

Для Джо

ОТ АВТОРА

Впервые о мире «Обитателей холмов» я узнала в детстве благодаря мультфильму 1978 года, показавшему мне жестокость, надежду и красоту придуманной Ричардом Адамсом истории. Я моментально влюбилась в этот мир и его героев. Даже десятилетия спустя его влияние на меня кажется незыблемым.

Кролики по природе своей борцы за выживание. В мире хищников они приспособливаются, сражаются, дерутся и упорствуют. Поодиночке они слабые и живут недолго, но как вид они сильны. Они олицетворяют волю к жизни — глубинный инстинкт, который горит в каждом создании этого мира.

Элви — тоже борец. Ее эмоциональная связь с кроликами — особенно с «Обитателями холмов» — и породила ее в моем сознании, и от нее я неизменно отталкивалась, раз за разом правя текст.

За это я бесконечно благодарна Ричарду Адамсу. Он ушел из жизни в 2016 году, но его наследие останется в поколениях. «Обитатели холмов» — гораздо больше, чем фантастический роман, это настоящий гимн жизни. Он напоминает нам о нашей глубинной и тесной связи с землей, с животными и друг с другом.

У кроликов период ухаживания и спаривания длится около тридцати-сорока секунд. Я не кролик, но если бы им была, моя жизнь стала бы проще во многих отношениях.

— Ты точно этого хочешь? — спрашивает Стэнли. — Знаешь, еще не поздно передумать.

Я дважды дергаю свою левую косичку:

— Если бы я не хотела, то не предложила бы.

Впрочем, я не думала, что он согласится.

Мы в номере мотеля со старым, дребезжащим обогревателем и репродукцией картины с ветряной мельницей. Стэнли сидит на краю кровати и беспокойно ерзает, прижав руки к коленям. Его костыль лежит рядом.

Я делаю несколько шагов ему навстречу. Он поднимает руки, затем замирает.

— Касаться нельзя, да?

— Нельзя, — отвечаю я. Так мы договорились: я его могу касаться, он меня — нет.

На шее у него пульсирует жилка, я насчитываю двадцать ударов за десять секунд. Сто двадцать ударов в минуту.

Все это, наверное, очень неожиданно. Технически это наше первое свидание, но я хочу попробовать, хотя бы разок. Все должно произойти инстинктивно. Все животные могут это делать, знает, и я смогу. Не настолько же я увечная.

Я медленно протягиваю руки и заключаю его ладонь в свои. Он издает звук, словно собираясь чихнуть, — такой резкий вдох. Я внимательно разглядываю его тонкие и длинные пальцы. Я не люблю, когда меня касаются, потому что это причиняет мне боль, но когда я делаю это сама, терпимо.

— Знаешь, все ящерицы женского пола, они размножаются клонированием. Самки взбираются друг на друга, чтобы стимулировать производство яйцеклеток.

Он молча смотрит на меня.

— У морских коньков гендерные роли распределены наоборот. Самка вводит яйцо в самца, и тот вынашивает ребенка.

Стэнли перекладывает свободную руку на живот.

— У императорских пингвинов бывает только один партнер за брачный период. Соединяющаяся пара выбирает друг друга по отличительным сигналам. Самец стоит на одном месте и голосит, пока самка не обратит на него внимание. Они кланяются друг другу, прижимаются грудью и поют.

— Поют?

— Ага.

Интересно, что же я такое? Кролик, пингвин, гиена, гиббон? Или что-то совершенно иное? Одно знаю наверняка — с людьми у меня общего мало.

— Ты точно этого хочешь?

Он задает вопрос второй раз, но, может, он и прав. Может, я свихнулась? Моя затея запросто может обернуться катастрофой.

— Давай продолжим, — отвечаю я.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тремя неделями ранее

В определенное время суток в моей квартире пахнет протухшей гаудой. В доме, судя по всему, никто больше этого запаха не замечает. Я написала четыре письма домовладелице, миссис Шульц, но сдалась, когда узнала, что она складывает мои письма в папку с пометкой «СУМАСШЕДШАЯ». Я однажды видела эту папку, когда заходила к миссис Шульц, чтобы заплатить за квартиру.

Поэтому теперь, когда запах становится невыносимым, я просто ухожу в парк с ноутбуком и играю в го* онлайн.

Сегодня 5 октября, время — 5:59 вечера. Температура в парке градусов 13. Уши заполняет тишина. Если прислушаться внимательнее, можно различить звуки, вплетающиеся в нее: однообразный гул машин вдалеке, шуршание листьев на ветру, бег моей собственной крови по венам — всё, кроме голосов людей.

Я натягиваю капюшон толстовки, у него сразу два достоинства: согревает уши и скрывает лицо,

* Го — логическая настольная игра, цель которой — захват территории противника. (Примеч. пер.)

давая мне чувство приватности. Парк тих и неподвижен, вокруг меня простирается сонный зеленый ковер. Несколько кленов уже начали ронять кроваво-красные листья. Неподалеку поблескивает пруд. *Кряквы обыкновенные* рассекают поверхность воды, и головы самцов сверкают, точно граненые изумруды, их глаза напоминают ониксы. Когда кряквы взлетают, переливающиеся иссиня-черные зеркала* на их расправленных крыльях отражают свет.

Я бросаю взгляд на пустующую скамейку возле пруда и проверяю время на телефоне. Я жду мальчика с тростью.

Каждый день ровно в шесть вечера мальчик приблизительно моего возраста — может, на пару лет постарше — выныривает из лососевого цвета здания через дорогу, идет, прихрамывая, в парк и садится на скамейку. Иногда он читает, иногда просто наблюдает за утками. За последние три недели это вошло у него в привычку.

Когда он только начал сюда приходить, я злилась на него за посягательство на мою территорию. Мне не хотелось с ним говорить, я вообще не люблю говорить с людьми, но и из парка уходить я не собиралась. Поэтому я затаилась. А спустя некоторое время что-то изменилось. Мальчик стал частью пейзажа, как утки, и его присутствие перестало меня раздражать. Точное, как часы, время его появления действовало на меня почти успокаивающе.

* Зеркало — в орнитологии контрастное, часто блестящее поле вдоль заднего края крыла некоторых птиц, в первую очередь уток. (*Примеч. пер.*)

И действительно, ровно в шесть часов дверь открылась и он появился, вид у него был самый приличный: худой, бледный, не очень высокий, со светло-каштановыми волосами, которые он, кажется, давно не стриг. Ветерок колышет края его растянутой синей ветровки. Я наблюдаю, как он подходит к скамейке, опираясь на трость. Он садится, а я с удовлетворением отворачиваюсь. Прислонившись к дереву, я открываю ноутбук, устраиваю его на коленях и начинаю играть в го со случайным противником.

Мальчик не догадывается о моем присутствии, и я стараюсь, чтобы так оно и оставалось.

Я выхожу из парка почти ночью. По дороге домой заглядываю в магазин, чтобы купить две упаковки лапши быстрого приготовления, батон белого хлеба, бутылку апельсиновой газировки и ванильный кекс в целлофановой упаковке. Я всегда покупаю одинаковый набор продуктов, поэтому точно знаю, сколько все это стоит: шесть долларов девяносто семь центов. Я набираю точную сумму монетками и подхожу к кассе, быстро протягиваю деньги и продукты продавцу.

— Что-то еще? — спрашивает он. Я отрицательно качаю головой.

Моя квартира находится рядом, чуть дальше по улице. Приземистое кирпичное здание с тощим деревцем перед входом стоит на углу. Синий презерватив свисает с одной из верхних веток, словно крошечный флаг, он висит там, сколько я тут живу. Янтарные осколки битого стекла переливаются на асфальте.

На подходе к подъезду я застываю. Меня поджидает худой лысеющий человек лет сорока в круглых очках и вязаном жилете, у его ног стоит портфель, руки скрещены на груди.

— Доктор Бернхардт! — выпаливаю я.

— Рад, что застал тебя. Я звонил в домофон и уже собирался уходить.

Я прижимаю покупки к груди:

— Мы ведь встречаемся по средам, а сегодня понедельник. Зачем вы пришли.

— Мне нужно было перенести нашу встречу. Я пытался тебе дозвониться, но ты никогда не берешь трубку. Я прекрасно знаю, что ты не любишь сюрпризы, но раз уж так вышло, тебе стоит проверить иногда голосовую почту.

В его тоне прозвучала нотка, в которой я могу распознать усмешку.

Доктор Бернхардт — социальный работник. Благодаря ему я могу жить самостоятельно, хотя мне еще нет восемнадцати.

— Ну что, — говорит он, —пустишь меня?

Я тяжело вздыхаю и открываю дверь:

— Ладно.

Мы входим в подъезд и поднимаемся по потертым ступеням на третий этаж. В подъезде перед моей квартирой на выцветшем то ли бежевом, то ли голубом ковре растеклось большое пятно от пролитого напитка или засохшей крови. Как и презерватив на дереве, оно здесь с тех пор, как я сюда переехала. Доктор Бернхардт, перешагивая пятно, морщит нос.

Внутри он осматривается. Пара нестиранных джинсов лежит на полу рядом с кучей журналов

с судоку. Полупустой стакан с апельсиновой газировкой стоит на кофейном столике среди крошек. Спортивный лифчик свисает с телевизора.

— Знаешь, — замечает он, — со всей твоей любовью к планированию, я думал, ты чуть больше будешь беспокоиться о гигиене.

— Я собиралась убраться перед вашим приходом, — бормочу я. Беспорядок мне не мешает, если я сама его учинила. Бардак в моей квартире привычен, и в нем легко ориентироваться.

Когда я вхожу на кухню, в раковину спрыгивает и исчезает в стоке двухвостка. Я бросаю покупки на столешницу, открываю холодильник и убираю в него апельсиновую газировку. Доктор Бернхардт заглядывает через мое плечо, изучая содержимое холодильника: картонная коробка с остатками китайской еды, заплесневелые остатки сэндвича с ветчиной, баллон взбитых сливок и немного горчицы.

Он вскидывает брови:

— А полезное здесь есть что-нибудь?

Я закрываю дверь холодильника:

— Собиралась завтра пойти за продуктами.

— Тебе просто необходимо покупать фрукты и овощи хотя бы изредка.

— Вы что, обязаны отчитываться о моем рационе.

— В конце вопроса интонация идет вверх, помнишь? Иначе люди не поймут, что ты их о чем-то спрашиваешь.

Мне кажется, по структуре предложения это и так понятно, но я повторяю вопрос, выделяя два

последних слова: «Вы что, обязаны отчитываться о моем рационе?»

— Нет, я просто даю тебе совет. Ты же в курсе, что это часть моей работы?

— Вы мне вопрос сейчас задаете.

— Риторический. — Он проходит в гостиную. — Можно я сяду?

Я киваю.

Он присаживается на диван и сцепляет руки, изучая меня поверх своих маленьких круглых очков:

— Все еще работаешь в зоопарке?

— Да.

— Ты не задумывалась о том, чтобы поступить в колледж?

Он уже несколько раз задавал этот вопрос, и ответ мой был неизменным: «Я не могу себе этого позволить». Вряд ли я получу стипендию, ведь я бросила старшую школу, и не потому, что мне не давались какие-то предметы, а просто потому, что ненавидела там находиться. Я окончила среднюю школу, но большинству колледжей нужен аттестат о полном среднем образовании.

— В любом случае, мне нравится работать в зоопарке.

— Так, значит, тебя устраивает такое положение дел?

— Да. — По крайней мере, это лучше, чем могло бы быть.

До того, как у меня появилась квартира, я жила в пансионе для сложных подростков. Я делила комнату с девочкой, которая до крови грызла ногти

и будила меня среди ночи криками в ухо. Кормили там отвратительно, а пахло еще хуже.

Три раза я пыталась оттуда сбежать. На третий раз меня поймали спящей на лавке в парке и осудили за бродяжничество. Когда судья спросила, почему я пыталась сбежать, я сказала, что лучше быть бездомной, чем жить в таких условиях. Предварительно изучив вопрос, я попросила ее назначить мне отмену опеки, чтобы я могла жить самостоятельно. Она согласилась, но только при условии, что кто-то будет регулярно меня проверять. Так доктор Бернхардт стал моим опекуном, по крайней мере на бумаге. Он обязан навещать меня дважды в месяц, кроме этого нас ничто не связывает, и это меня вполне устраивает.

Тем не менее я не забываю, что он может отправить меня обратно в пансион. Или куда-то похуже.

— Можно задать тебе личный вопрос, Элви?

— Разве, если я откажусь, это что-то изменит.

Он хмурится, сводя брови к переносице. Он сердится или расстроен, сложно сказать. Я отвожу глаза:

— Ладно. Задавайте.

— У тебя есть друзья?

— У меня есть животные на работе.

— Друзья, которые умеют говорить? Попугаи не в счет.

Я отвечаю не сразу:

— Мне они не нужны.

— Ты счастлива?

Еще один риторический вопрос: разумеется, я вряд ли вписываюсь в представление большинст-

ва людей о счастливом человеке. Но это не имеет никакого значения. Счастье меня не интересует. Мне важно выжить и сохранить рассудок. Сказать, что я несчастна, это то же, что сказать, что у голодающего бездомного нет приемлемого пенсионного обеспечения. Может, это и так, но к делу это никак не относится.

— Я чувствую себя стабильно. У меня уже несколько месяцев не было срывов.

— Да, но я не о том спрашиваю.

— Я не понимаю смысл вашего вопроса, доктор Бернхардт.

Он глубоко вздыхает:

— Я, конечно, не твой психотерапевт, но меня *назначили* следить за твоим благополучием. Прекрасно понимаю, что тебе нравится быть независимой, но мне было бы гораздо спокойнее, если бы у тебя был хотя бы один друг, на которого можно положиться. Ты когда последний раз говорила с кем-нибудь вне работы?

До сих пор моя социальная жизнь или ее отсутствие его не особенно волновали. С чего вдруг это стало проблемой? Я покачиваюсь на стопах, с пятки на мысок:

— Я не как остальные, вы же знаете.

— На самом деле, думаю, ты переоцениваешь свою исключительность. Может, начать, ну не знаю, с какого-нибудь чата? Людям с трудностями в социализации часто проще дается онлайн-общение. Вдруг получится найти кого-то со схожими интересами?

Я не отвечаю.

— Слушай, Элви, я на твоей стороне, осознаешь ты это или нет.

Эти слова я уже много раз слышала от разных взрослых и давно им не верю.

— Но то, как ты живешь, — это... нездорово. Если ничего не изменится, мне придется порекомендовать судье, в качестве условия твоей дальнейшей независимости, назначить тебе психолога.

Паника подпрыгивает в моей грудной клетке, но я стараюсь никак ее не выдать.

— Мы закончили.

Он вздыхает.

— Полагаю, что так. — Он берет портфель и направляется к выходу. — Увидимся через две недели. — Шагнув через порог, он останавливается и бросает взгляд через плечо: — С днем рождения, кстати. — Дверь захлопывается.

После того как он ушел, я несколько минут стою посередине комнаты, ожидая, пока напряжение в грудной клетке утихнет.

Я достаю магазинный кекс из упаковки, кладу его на кофейный столик и вставляю в него свечку. Ровно без пятнадцати восемь я поджигаю свечку и задуваю ее.

Еще один год — и мне не придется иметь дело с доктором Бернхардтом или другими докучливыми взрослыми из госопеки. Нужно просто дотянуть до восемнадцати, не потерять работу и не задерживать квартплату. И тогда мне не нужна будет никакая опека. Я стану свободной.